

ГЕРОИ ПРУТКОВА И ПАССИВНОСТЬ ЭМИГРАЦИИ

Поговорим о том, чем
наша жизнь согрета.

Владимир Соловьев

События наших смутных лет изменчивы и превратны. Тем более достоин удивления и даже умиления поднесь ни в чем не изменившийся рыцарь фон Гринвальбус, навеки застывший в экстазе любовного ожидания.

Бароны пируют, бароны воюют, —
Барон фон Гринвальбус,
Сей доблестный рыцарь,
У замка Амальби
Все в той же позици
На камне сидит.

Нам, к сожалению, в точности неизвестно, что в тайне, про себя разумел знаменитый Козьма Прутков, когда создавал эти строки. Ныне однако мы имеем все основания почитать их пророческими.

Барон фон Гринвальбус это несколько романтизированный и все же несомненный символ пребывающего в вечном оцепенении II-го интернационала; засевшая в замке прекрасная Амалия изображает, конечно, обещающее человечеству рай учение Маркса и Энгельса, которому хищные капиталисты и левые экстремисты не дают осуществиться в жизни; а пирующие и воюющие бароны — это вероятнее всего немецкие фоны 3-го Рейха...

Мы не думаем, чтобы такого рода расшифровка бессмертных строк бессмертного поэта была вполне произвольной. Залогом правильности такого толкования служат многие афоризмы Пруткова, созданные им в предвидении на-

ших идеологических заблуждений. Эти афоризмы звучат теперь весьма «актуально», выражаясь излюбленным словом гражданина Милюкова. Легкий на помине, сей доблестный рыцарь — ярый сторонник статического фон Гринвальдуса, и столь же ярый противник баронов пирующих и воюющих — семнадцать лет тому назад проповедывал полное упразднение остатков русской армии. Он явно забыл при этом, а может и вовсе не знал, вразумительного в своей краткости афоризма Пруткова: «Военные люди защищают отечество».

Будем крепко надеяться на забывчивость или невежественность профессора. В противном случае, мы были бы в праве вернуть ему его собственный патетически-патриотический вопрос: «что это глупость или измена»? Но нет, это всего только забывчивость, или невежественность, не всегда присущая истинным ученым!

Преданный служитель прогресса, наш профессор «истории» позабыл историю. Именно этим объясняется его пренебрежительное отношение к «мрачному и кровавому средневековью», а также к светочам древней культуры, Платону и Аристотелю, которые, по словам Милюкова, являют собою образец человеческой глупости. Тут снова не мешает напомнить поклоннику прогресса тихий и вкрадчивый афоризм Пруткова: «И египтяне бывали человеколюбивы».

Говоря несколько тяжеловатым языком самого профессора «истории», мы ясно видим теперь из вышесказанного, что по отношению к современности чрезвычайно полезен корректив в виде стихов и изречений незабвенного директора Пробринной Палаты. Жаль только, что предлагаемый нами метод слишком поздно приводится в действие. Пользуясь им своевременно, мы избежали бы многих ошибок и вредных иллюзий, и между прочим вреднейшей иллюзии движения куда-то вперед, очевидно, «к светлому будущему». Ведь еще недавно, на страницах милюковского печатного органа, некий Демидов уверял нас, что все они — стопроцентные демократы — «идут все вперед и вперед», к самоуправлению «нога в ногу». Бедные! Они совершенно забыли, а может и вовсе

не знают, о своем тождестве с навеки застывшим фон Гринвальбусом. «Отвергла Амалия баронову руку» и, как поется в народной песне, отдалась до последнего дня III-му и IV-му интернационалам. Таким образом, срединная «позиция» оказалась крайне невыигрышной. Самообольщения не помогли и никто не поверил обольстительному сну... Потому то мы и позволяем себе обратиться к ним с почтительно-доброжелательной просьбой, словами одного из героев все того же Пруткова: «Питая к вам с некоторых пор должное уважение, мы умоляем вас, именем ваших гостей, об этом сне умолчать». Однако, кажется, пора «в басне сей откинуть незабудки, здесь помещенные для шутки», ибо, хоть и сказано устами мудрыми, что «смеяться право не грешно над тем, что кажется смешно», но, увы, «все это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

В течение семнадцати лет прутковские уроды всеми средствами стараются разложить русскую эмиграцию. Пущены в ход клевета на великое прошлое России, на ее царей, государственных деятелей и даже кощунственная хула на святых! (Конечно, трудно поверить этому, но сомневающимся мы предлагаем внимательно посмотреть фельетоны Осоргина — правой руки Милюкова!). Достается также великим представителям нашей литературы и поэзии, порочатся имена Пушкина и Фета, высмеиваются лучшие русские мыслители. Ядовитая работа деятелей II-го интернационала проникает всюду, даже сама церковь не свободна от ее влияния. Не успеешь глазом моргнуть, как профессор Богословского Института тиснет статейку о доблестях Пассионарии, по пути проливая гражданские слезы о гибели Гришки Зиновьева, а видный епископ с улицы Петель, с амвона выразит покорность советской власти. Поистине согрета наша жизнь! И это тем более удивительно, что ведь вряд ли на всю эмиграцию найдутся люди, сочувствующие такой пикантной комбинации.

Откуда же и как возникло попустительство? Вот наболелший и пожалуй самый насущный вопрос. О созерцательной пассивности православия первый заговорил Пушкин.

Ныне мы понимаем, что в мнении Пушкина есть немалая доля правды. Православная церковная община далеко не всегда находила энергию на борьбу со злыми поползновениями в наши тревожные дни. Спешим подчеркнуть, что говоря так, мы всячески далеки от посягательства на незыблемую святыню православия. Что делать, так уже давно повелось: церковь, а вслед за нею деятели искусства и все военные люди объявили себя стоящими вне «политики». Как будто бы возможно рассечь живую жизнь и уйти с головою в узкую сферу своего ремесла! Такое рассечение жизни неминуемо привело к раздроблению казалось бы общих интересов. Цельное восприятие бытия незаконно расслоилось и, говоря кстати, именно на этих ложных путях выросло наше злостное предвоенное декаденство. Когда в бесчисленных салонах и кабачках, бледные юноши и девы, с какою-то развратною певучестью произнося слова в нос, рассуждали о Боге, искусстве и — о превратности судеб — все о той же политике! Но допустимо ли называть политикой стремление подорвать всякую живую традицию и как раз в первую очередь церковь, искусство и армию? Но с этим уже ничего не поделаешь: борьбу с большевиками и их пособниками русская эмиграция политикой считать не перестанет. Отсюда — терпимость к большевикам в недрах церковной общины, ленивая неподвижность военных кругов и безмятежное чтение милюковского листка. Отсюда же лирическое самоковыряние в стихах эмигрантских поэтов и полное отсутствие у всех какого бы то ни было пафоса. Поневоле вспомнишь польскую эмиграцию с Мицкевичем во главе!

Нужно заметить что этому развалу положили начало сороковые годы прошлого столетия. Еще в середине тридцатых годов, органическое мировосприятие оставалось непоколебимым, не упоминая уже о Пушкине, принимавшем страстное участие во всем, вплоть до политической жизни всего мира.

Бесследно исчезло цельное понимание событий и явлений и ни один из современных русских поэтов не мог бы приветствовать своего собрата по перу словами подобными стихам Баратынского, обращенными к князю Вяземскому:

Как жизни общие призывы,
Как увлеченья суеты,
Понятны вам страстей порывы
И обаяние мечты.
Понятны вам все дуновенья,
Которым в море бытия
Послушна наша ладия.

Разорванность ума и чувств — следствие отрыва от органичности — наше главное несчастье. «Град Петров стоял непоколебимо, как Россия», пока священник, воин и поэт дышали в дивном равновесии, не деля существования на жалкие и скудные куски. Священник проповедывал, гвардия умела умирать на поле брани и в нужную минуту производить дворцовые перевороты, а поэт воспринимал все, от Бородина до пугачевского бунта до «глуши степных селений» и вьющегося золотого локона.

Лоскутное понимание жизни заставило нас проиграть гражданскую войну: ведь и тогда мы были вне политики, в надежде на мудрую волю народа. А теперь на наших глазах Испанию спасают от гибели знаменитые «пронунсиаменто», над которыми в свое время так много смеялись, считая их признаком государственной слабости, политиканством разращенной армии.

Вот и дожили мы до того, что потеряли право смеяться афоризмам Пруткова. Его краткое изречение оказалось поучительным не для одного Милюкова, ибо воистину «военные люди защищают отечество», и это надо многим твердо запомнить.

Будущий правдивый историк, на досуге разбираясь в делах эмиграции, должен будет отметить ее большие положительные качества: терпеливость, достойную приспособляемость к неодолимо трудным условиям, исключительную работоспособность. Он будет поражен множеству открытых нами церквей, во многом бережному отношению к прошлому нашей великой культуры, но с горечью скажет, что дряблая созерцательность, отсутствие пафоса политической борьбы,

слишком часто погружала нас в бездну обывательщины, лишая нас самозащиты перед лицом злых и одновременно смехотворных уродов. Ведь еще неизвестно, до чего доведет нас преступное непротивленчество злу, какая-то закоренелая толстовщина.

Чаши мировых весов колеблются, пора не спать, а выбирать! Пока же тяготее над нами преисполненное сомнений и страха тютчевское четверостишие:

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Суждено ли пророчествам Достоевского полностью сбыться, или наконец мы найдем в себе силы преодолеть его страшное творчество — трагическую категорию России? Лавина мировых событий очень скоро захватит и нас. Тогда придет ответ на эти жуткие вопросы. А в ожидании нам необходимо решительно отмежеваться от этих прутковских «гишпанцев» — представителей русской секции II-го интернационала.